

Владимир Галактионович Короленко

На затмении

**Короленко Владимир
Галактионович
На затмении**

Владимир Галактионович Короленко

На затмении

Очерк с натуры

I

Продолжительный пароходный свисток. Я просыпаюсь. За тонкою стенкой парохода вода, кинутая колесом на обратном ходу, плещет, стучит и рокочет. Свисток стонет сквозь этот шум будто издалека, жалобно, протяжно и грустно.

Да, я еду смотреть затмение в Юрьевец. Пароход должен был прийти туда в два" с половиной часа ночи. Я только недавно заснул, и теперь уж надо вставать. Приходится ждать несколько часов где-нибудь на пустой улице, так как в Юрьевце гостиниц нет.

Какова-то погода? Я гляжу из окна. Пароход уже остановился; волна, разбегаясь от бортов, чуть поблескивает и теряется в темноте. Дальний берег слабо виден во мгле, небо покрыто тучами, в окно веет сыростью, предвестники не особенно благоприятные для наблюдений...

Кое-кто из пассажиров подымается. Лица сонные и не совсем довольные. Между тем

снаружи слышно движение, кинуты чалки на пристань. "Готово!" кричит чей-то сиплый, будто отсыревший и недовольный голос.

Пока я собираюсь, один из пассажиров, по виду мелкий волжский торговец, успел уже сбегать на пристань и вернуться на пароход. Он едет до Рыбинска.

- Ну, что там? - спрашивает у него товарищ, лежащий на скамье, в бархатном жилете и косоворотке. Оба они не особенно верят в затмение.

- Кто его знает, - отвечает спрошенный, - дождик не дождик, так что-то. А на берегу, слышь, башня видна, и на башне остроум стоит.

- Ну?

- Ей-богу! Поди хоть сам посмотри.

Уж несколько дней в народе ходят толки о затмении и о том, что в Нижний съехались астрономы, которых серая публика зовет то "остроумами", то "астроломами". Слова эти часто слышны теперь на Волге и звучат частью иронически ("Иностранные остроумы! Больше бога знают..."), частью даже враждебно, как будто поднятая ими суета и непонят-

ные приготовления сами по себе могут на-
кликать грозное явление. Вчера с вечера бро-
шюра "О солнечном затмении 7 августа 1887
года" мелькала среди простой публики. В ней
объяснялось, что такое затмение и почему
удобно наблюдать его, между прочим, из
Юрьевца. Но большинство пассажиров тре-
тьего, а также значительная часть второго
класса относились к ней сдержанно и даже с
оттенком холодной вражды.

Люди же "старой веры" избегали брать ее в
руки и предостерегали других.

Я выхожу. Пристань стоит довольно дале-
ко от берега. С нее кинуты жидкие мостки, и
ее качает ветром, причем мостки жалобно
скрипят, визжат и стонут. Наш пароход уйдет
дальше, между тем небольшая комната на
пристани полна. Сонные, усталые и как будто
чем-то огорченные пассажиры все прибыва-
ют. Снаружи, вместе с ветром, в лицо веет от-
сырью и по временам моросит. Пробирает
озноб.

Городишко, растянувшийся под горой по
правому берегу, мерцает кое-где то белою сте-
ной, то слабым огоньком, то силуэтом высо-

кой колокольни, поднимающейся в мгlistом воздухе ночи. Гора рисуется неопределенным обрезом на облачном небе, покрывая весь пейзаж угрюмою массою тени. На реке, у такой же пристани, как наша, молчаливо стоит "Самолет", который привез сюда экстренным рейсом "ученых" из Нижнего, а за рекой, на луговой стороне, догорает пожарище: с вечера загорелся лесной склад, и теперь огонь, как бы насытившись и уставши за ночь, вьется низко над землей, то застилаясь дымом, то опять вставая острыми гребнями пламени. Дремота, ночь, плеск реки, стон пристаней и мостков в предутренней темноте, отсвет пожара и ожидание необычайного события - все это настраивает воображение, в взгляд мой невольно ищет башня с стоящим на ней "остроумом", хотя, впрочем, я отлично понимаю, что это нелепость, тем более что фигура на башне решительно не могла бы быть видима в такой темноте. Однако, проходя по палубе, загроможденной рабочими, я слышал те же разговоры; многие вглядывались и видели: стоит на башне и чего-то караулит среди ночных туманов.

Вглядевшись, в свою очередь, я различаю высокий контур, врезавшийся в небо. Сильно подозреваю, что это труба завода, что и оказывается справедливым. Мои собеседники вспоминают, что действительно в этом месте стоит всем хорошо знакомый завод. Легенда падает.

Оказывается, что пароход еще постоит за темнотой; обрадованная и озябшая публика кидается опять в каюты. Открывают буфет, заспанные лакеи бегают с чайниками и подносами. На палубе идет тихий говор, кое-где читают молитвы и обсуждают признаки пришествия антихриста... Один из этих признаков имеет чисто местный характер. Какой-то старик рассказывает слушателям, что в Юрье-вец приехал немец-остроум и склоняет на свою сторону народ. Гришка с завода продался уже за двадцать пять рублей...

- Да ведь это его в караульщики наняли, к трубам, - объясняет кто-то из темноты.

- В караульщики!.. А крест да пояс зачем приказал снять? Как это поймешь?

Это действительно понять трудно. Среди собеседников водворяется молчание.

Через некоторое время я взглянул в окно каюты: небо белеет, на нем проступают мгlistые очертания туч, ползущих от севера к югу.

II

Часу в четвертом мы сошли на берег и направились к городу. Серело, тучи не расходились. У пристаней грузными темными пятнами стояли пароходы. На них не заметно было никакого движения. Только наш начинал "шуровать", выпускал клубы дыма и тяжело сопел, лениво собираясь в ранний путь.

Берег был еще пуст. Ночные сторожа одни смотрели на кучку неведомых людей, проходивших вдоль береговых улиц... Смотрели они молчаливо, но с каким-то угрюмым вниманием. Они поставлены "для порядку", а тут и в природе готовится беспорядок, и неведомые люди невесть зачем спозаранку пробираются в мирный и ни в чем не повинный город.

- Дозвольте спросить, - обратился один из стражей к кучке молодых господ, проходивших впереди меня, - нешто, к примеру, в других городах этой планиды не будет? На нас

одних господь посылает?

Господа засмеялись и пошли дальше. Сторож постоял, посмотрел нам вслед долго, внимательно, раздумчиво и вдруг застучал трещоткой. Ему отозвались другие, потом залаяли собаки. "Начальство позволяет, не пустить этих полуношников нельзя, а все-таки... побегайся!" - вероятно, это именно хотел сказать юрьевчанин своею трещоткой, со времен Алексея Михайловича, а может быть, еще и ранее предупреждавшею чутко спящий городок о лихой невзгоде, частенько-таки налетавшей по ночам с матушки Волги.

И городок просыпается. Я нарочно свернул в переулочек, чтобы пройти по окраине. Кое-где в лачугах у подножия горы виднелись огоньки. В одном месте слабо сияла лампадка и какая-то фигура то припадала к полу, то опять подымалась, очевидно встречая день знамения господня молитвой. В двух-трех печах виднелось уже пламя.

Вот скрипнула одна калитка; из нее вышел древний старик с большою седой бородой, прислушался к благовесту, посмотрел на меня, когда я проходил мимо, суровым, внима-

тельным взглядом и, повернувшись лицом к востоку, где еще не восходило солнце, стал усердно креститься.

Открылась еще калитка. Маленькая старушка торопливо выбежала из нее, шарахнулась от меня в сторону и скрылась под темной линией забора.

- А, Семеныч! Ты, что ли, это? - вскоре услышал я ее придавленный голос. - Правда ли, нынче будто к ранней обедне пораньше ударят? Оказывали, до этого чтоб отслужить... Батюшки светы! Глянь-ко, Семеныч, это кто по горе экую рань ходит?

Часть пароходной публики, вероятно, от скуки взобралась на гору. Фигуры рисуются на светлеющем небе резко и странно. Одна, вероятно стоящая много ближе других на каком-нибудь выступе, кажется неестественно громадною. Все это в ранний час этого утра, перед затмением, над испуганным городом производит какое-то резкое, волшебное, небывалое впечатление...

- Носит их, супостатов! - угрюмо ворчит старик. - Приезжие, надо быть...

- И то, сказывали вчерась: на четырех па-

роходах иностранные народы приедут. К чему это, родимый, как понимать?

- Власть господня, - утрюмо говорит Семеныч и, не простившись, уходит к себе. Старуха остается одна на пустой улице.

- Господи-и-и, батюшко! - слышу я жалостный, испуганный старческий голос, и торопливые шаги стихают где-то в тени по направлению к церкви. Мне становится искренно жаль и эту старушку, и Семеныча, и весь этот напуганный люд. Шутка ли, ждать через час кончину мира! Сколько призрачных страхов носится еще в этих сумеречных туманах, так густо нависших над нашею святою Русью!..

В окне хибарки, только что оставленной старушкой, мерцал огонек зажженной ею лампадки, и петух хрипло в первый раз прокричал свое кукареку, чуть слышно из-за стенки.

На святой Руси петухи кричат.

Скоро будет день на святой Руси...

неизвестно откуда всплыло в моей памяти прелестное двустишие давно забытого стихотворения, от которого так и дышит утром и рассветом... "Ох, скоро ль будет день на свя-

той Руси, - подумал я невольно, - тот день, когда рассеются призраки, недоверие, вражда и взаимные недоразумения между теми, кто смотрит в трубы и исследует небо, и теми, кто только припадает к земле, а в исследовании видит оскорбление грозного бога?"

III

А вот и укрепленный лагерь "остроумов".

На небольшом возвышении у берега Волги, по соседству с заводом, которого высокая труба казалась нам ранее башней, на скорую руку построены небольшие балаганчики, обнесенные низкою дощатою оградой. В ограде, на выровненной и утрамбованной площадке стоит медная труба на штативе, вероятно секстант, установленный по меридиану. Из-под навеса нацелились в небо телескопы разного вида и разных размеров. Все это еще закрыто кожаными чехлами и имеет вид артиллерии в утро перед боем. А вот и войско. Укрывшись шинелями, спят несколько городских и крестьян-караульных, "согнанных" из деревень. Какой-то бородатый высокий мужик важно расхаживает по площадке. Это - главный караульщик, приставленный от завода, тот са-

мый Гришка, который за двадцать пять рублей согласился снять с себя не только крест, но и пояс, и таким образом приобщился к тайнам "остроумов". В настоящую минуту, когда я подхожу к этому месту, он активно проявляет свою роль. Какой-то предприимчивый парень, прикинувшись спавшим за оградой, подполз к самой большой трубе, и Гришка поймал его под нею. Хотел ли он взглянуть в закрытую чехлом трубу, чтобы подглядеть какую-нибудь неведомую тайну, или у него были другие, менее безобидные намерения, но только Гришка горячился и покушался схватить его за ухо.

- Дяденька, да ведь я ничего.

- То-то ничего! Вот экой же дуrolом намедни все трубы свертел, полдня после наставляли... Нешто можно касаться? Она, труба-те, не зря ставится.

Гришка, видимо, апеллирует к публике, сомкнувшейся около ограды и, быть может, простоявший здесь с самого вечера. Но публика не на его стороне.

- Где уж зря! - вздыхает кто-то.

- Не надо бы и ставить-то...

- Жили, слава те господи, без труб. Живы были.

Какой-то серый старичишко выделяется из проходившей на фабрику кучки рабочих и подходит к самой ограде.

- Здравствуй, Гриш!

- Здравствуй.

- Караулишь?

- Караулю.

- Та-а-ак.

- Мне что-ка не караулить, - вдруг обижается Гриша, - ежели я хозяином приставлен.

- Нешто это дело хозяйско?

- Меня ежели приставили, я должен сполнять...

- Двадцать пять рублей, сказывают, дали...

Не дешевенько ли, смотри! Охо-хо-хо-о...

- Ну, хоть поменьше дадут, и на этом спасибо. Да ты што?.. Что тебе? Небось самого к бочке приставили, два года караулил.

- Бочка... Вишь, к чему приравнял, - подхватывает кто-то в публике.

- Бочка много проще. Бочка, брат, дело русское, - язвит старик. - А это, вишь ты, штука мудреная, к бочке ее не приравнешь. Охо-

ХО-ХО-О.

Разговор становится более общим и более оживленным. Замечания вылетают из толпы, точно осы, все чаще, короче, язвительнее и крепче, приобретая постепенно такую выразительность, что это привлекает бдительное внимание двух полицейских.

- Осади, осади, отдай назад! - вмешиваются они, принимая, по долгу службы, сторону Гриши, и стеной оттесняют зевак. Толпа "отдает назад" и останавливается как-то пассивно в том месте, где ее оставляют полицейские. Ее настроение неопределенно. Фабричный - человек тертый. Он сомневается, недоумевает, отчасти опасается, но свои опасения выражает только колкою насмешкой; ребятам и подросткам просто любопытно, а может быть, они уже кое-что слышали в школе. Настоящий же страх и прямое нерасположение к "ученым" и "иностранным народам" заключились в стенах этих избушек, по окраинам, где робко мерцают всю ночь лампадки...

Говорили, что накануне собирались было кое-кто разметать инструменты и прогнать "остроумов", почему начальство и приняло

свои меры.

IV

Светает все более. На востоке стоят почти неподвижно густые дальние облака, залегшие над горизонтом. Повыше плывут темные, но уже не такие тяжелые тучи, а под ними, клубясь и быстро скользя по направлению к югу" несутся невысоко над землей отдельные клочки утреннего тумана. Эти три слоя облаков то сгущаются, заволакивая небо, то разрежаются, обещая кое-где просветы.

Вот образовалась яркая щель, точно в стене темного сарая на рассвете; несколько лучей столбами прорвались в нее, передвинулись радиусами и потухли. Но свет от них остался. Река еще более побелела, противоположный берег приблизился, и огонь пожара, лениво догоравшего на той стороне Волги, стал меркнуть: очевидно, за дальнею тучей всходило солнце.

Я пошел вдоль волжского берега.

Небольшие домишки, огороды, переулки, кончавшиеся на береговых песках, - все это выступает яснее в белесой утренней мгле. И всюду заметно робкое движение, чувствует-

ся тревожная ночь, проведенная без сна. То скрипнет дверь, то тихо отворится калитка, то сторбленная фигура плетется от дома к дому по огородам. В одном месте, на углу, прижавшись к забору, стоят две женщины. Одна смотрит на восток слезящимися глазами и что-то тихо причитает. Дряхлый старик, опираясь на палку, ковыляет из переулка и молча присоединяется к этой группе. Все взгляды обращены туда, где за меланхолическою тучей предполагается солнце.

- Ну, что, тетушка, - обращаюсь я к плачущей, - затмения ждете?

- Ох, не говори, родимый!.. Что и будет! Напуганы мы, милый, то есть до того напуганы... Ноченьку всеё не спали.

- Чем же напуганы?

- Да все планидой этой.

Она поворачивает ко мне лицо, разбухшее от бессонницы в искаженное страхом. Воспаленные глаза смотрят с оттенком какой-то надежды на чужого человека, спокойно относящегося к грозному явлению.

- Сказывали вот тоже: солнце с другой стороны поднимется, земли будет трясение, лю-

ди не станут узнавать друг дружку... А там и миру скончание...

Она глядит то на меня, то на древнего старца, молчаливо стоящего рядом, опираясь на посох. Он смотрит из-под насупленных бровей глубоко сидящими угрюмыми глазами, в я сильно подозреваю, что это именно он почерпнул эти мрачные пророчества в какой-нибудь древней книге, в изъеденном молью кожаном переплете. Половина пророчества не оправдалась: солнце поднимается в обычном месте. Старец молчит, и по его лицу трудно разобрать, доволен ли он, как и прочие бесхитростные люди, или, быть может, он предпочел бы, чтобы солнце сошло с предначертанного пути и мир пошатнулся, лишь бы авторитет кожаного переплета остался незыблем. Все время он стоял молча и затем молча же удалился, не поделившись более ни с кем своею дряхлою думой.

- Полноте, - успокаиваю я напуганных до истерики женщин, - только и будет, что солнце затмится.

- А потом... Что же, опять покажется, или уж... вовсе?..

- Конечно, опять покажется.

- И я думаю так, что пустяки говорят все, - замечает другая, побойчее. - Планета, планета, а что ж такое? Все от бога. Бог захочет - и без планеты погибнем, а не захочет - и с планетой живы останемся.

- Пожалуй, и пустое все, а страшно, - слезливо говорит опять первая. Вот и солнышко в своем месте вошло, как и всегда, а все-таки же... Господи-и... Сердешное ты наше-ее... На зорьке на самой невесело подымалось, а теперь, гляди, играет, роди-и-и-мое...

Действительно, из-за тучи опять слабо, точно улыбка больного, брызнуло несколько золотых лучей, осветило какие-то туманные формы в облаках и погасло. Женщины умиленно смотрят туда, с выражением какой-то особенной жалости к солнцу, точно к близкому существу, которому грозит опасность. А невдалеке трубы и колеса стоят в ожидании, точно приготовления к опасной операции...

V

Я углубляюсь в улицы, соседние с площадью.

На перилах деревянного моста сидит боро-

датый и лохматый мещанин в красной рубахе, задумчивый и хладнокровный. Перед ним старец вроде того, которого я видел на берегу, с острыми глазами, сверкающими из-под совиных бровей какою-то своею, особенною, злобною думой. Он трясет бородой и говорит что-то сидящему на перилах великану, жестикулирует и волнуется... Так как в это утро сразу как будто разрушились все условные перегородки, отделяющие в обычное время знакомых от незнакомых, то я просто подхожу к беседающим, здороваюсь и перехожу к злобе дня.

- Скоро начнется...

- Начнется? - вспыскивает старик, точно его ужалило, и седая борода трясется сильнее. - Чему начинаться-то? Еще, может, ничего и не будет.

- Ну, уж будет-то - будет наверное.

- Та-ак!.. А дозвольте спросить, - говорит он уже с плохо сдерживаемым гневом, - нешто можно вам власть господню узнать? Кому это господь батюшка откроет? Или уж так надо думать, что господь с вами о своем деле совет держал?..

- Велико дело господне!.. - как-то "вообще", грудным басом, произносит великан, глядя в сторону. - Было, положим, в пятьдесят первом году. Я мальчишкой был малым, а помню. Так будто затемнало, даже петухи стали кричать, испужалась всякая тварь. Ну, только что действительно тогда никто вперед не упреждал. Оно и того... оно и опять отъявилось. А теперь, вишь ты... Конечно, что... затеи все.

- Д-да! - отчеканивает старец решительно и зло. - Власть господнюю не узнать вам, это уж вы оставьте!.. Дуракам говорите, пожалуйста! "Затмение, планета!" Так вот по-вашему и будет...

Он смотрит на берег, где устроены балаганы, искоса и сердито. Однако, когда я направляюсь туда, оба они следуют за мною, хотя и небрежно, очевидно, только со злою целью: посмотреть на глупых людей, которые верят пустякам... А может быть, при случае... Впрочем, команда полицейских поднялась уже вся, человек десять. Они отряхнулись от сырости, откашливаются и оправляются, смыкаясь около батареи неведомых инструментов, покрытых холодной росой.

- Осади! Отдай назад! Осади! - произносят они дружно; голоса их, еще отсыревшие и несколько хриплые, звучат тем не менее очень внушительно.

VI

К балаганам подходят еще солдаты. Они уставляют ружья в козлы и располагаются у входа за ограду. Другая полурота марширует с барабанным боем и останавливается на берегу.

- Солдаты пришли, - шепчут в толпе, которая теперь лепится по бокам холмика, заглядывая за ограду. Мальчишки шныряют в разных направлениях с беспечными, но заинтересованными лицами. Какой-то общительный немолодой господин раздает желающим стеклышки, смазанные желатином (увы! оказавшиеся негодными). В училище, служащем временным приютом для приезжих ученых, открывается окно верхнего этажа, и в нем появляется длинная трубка, нацелившаяся на небо... "Астроломы" проходят один за другим к балагану. Старик немец несет инструменты, с угрюмым и недовольным видом поглядывая на облака. Он ни разу не взглянул на толпу...

Он приехал издалека нарочно для этого утра, и вот бестолковый русский туман грозит отнять у него ученую жатву. Профессор недовольно ворчит, пока его умные глаза пытлииво пробегают по небу.

Впрочем, облака редуют, ветер все гонит их с севера: нижние слои по-прежнему почти неподвижно лежат на горизонте, но второй слой двигается теперь быстрее, расширяя все более и более просветы. Кое-где уже синее лазурь. Клочки ночного тумана проносятся реже и видимо тают. Солнце ныряет, то появляясь в вышине, то прячась.

Трубы установлены, с балаганов сняты брезенты, ученые пробуют аппараты. Лица их проясняются вместе с небом. Холодная уверенность этих приготовлений, видимо, импонирует толпе.

- Гляди-ко, батюшки, сама вертится!.. - раздается вдруг удивленный голос.

Действительно, большая черная труба с часовым механизмом, пущенным в ход, начинает заметно поворачиваться на своих странных ногах, точно невиданное животное из металла, пробужденное от долгого сна. Ее

останавливают после пробы, направляют на солнце и опять пускают в ход. Теперь она автоматически идет по кругу, тихо, внимательно, зорко следя за солнцем в его обычном мгlistом пути. Клапаны сами открываются и закрываются, зияя матово-черными краями. Немец опять говорит что-то быстро, ворчливо и непонятно, будто читает лекцию или произносит заклинания.

Толпа удивленно стихает.

VII

Минутная тишина. Вдруг раздается звонкий удар маятника метронома, отбивающего секунды.

Часы бьют. Должно, шесть часов.

- Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, - нет, не часы... Что такое?!

- Началось!.. - догадывается кто-то в толпе, видя, что астрономы припали к трубам.

- Вот те и началось, ничего нету, - небрежно и уверенно произносит вдруг в задних рядах голос старого скептика, которого я видел на мосту.

Я вынимаю свое стекло с самодельной ручкой. Оно производит некоторую ирониче-

скую сенсацию, так как бумагу, которой оно обклеено, я прилепил к ручке сургучом.

- Вот так машина! - говорит кто-то из моих соседей. - За семью печатями...

Я оглядываю свой инструмент. Действительно, печатей оказывается ровно семь - цифра в некотором роде мистическая. Однако некогда заниматься каббалистическими соображениями, тем более что моя "машина" служит отлично. Среди быстро пробегающих озаренных облаков я вижу ясно очерченный солнечный круг. С правой стороны, сверху, он будто обрезан чуть заметно.

Минута молчания.

- Ущербилось! - внятно раздается голос из толпы.

- Не толкуй пустого! - резко обрывает старец.

Я нарочно подхожу к нему и предлагаю посмотреть в мое стекло. Он отворачивается с отвращением.

- Стар я, стар в ваши стекла глядеть. Я его, родимое, и так вижу, и глазами. Вон оно в своем виде.

Но вдруг по лицу его пробегают точно судоро-

рога, не то испуг, не то глубокое огорчение.

- Господи Иисусе Христе, царица небесная...

Солнце тонет на минуту в широком мгlistом пятне и показывается из облака уже значительно ущербленным. Теперь уже это видно простым глазом, чему помогает тонкий пар, который все еще курится в воздухе, смягчая ослепительный блеск.

Тишина. Кое-где слышно неровное, тяжелое дыхание, на фоне напряженного молчания метроном отбивает секунды металлическим звоном, да немец продолжает говорить что-то непонятное, и его голос звучит как-то чуждо и странно. Я оглядываюсь. Старый скептик шагает прочь быстрыми шагами с низко опущенною головой.

VIII

Проходит полчаса. День сияет почти все так же, облака закрывают и открывают солнце, теперь плывущее в вышине в виде серпа. Какой-то мужичок "из Пучежа" въезжает на площадь, торопливо поворачивает к забору и начинает выпрягать лошадь, как будто его внезапно застигла ночь и он собрался на ноч-

лег. Подвязав лошадь к возу, он растерянно смотрит на холм с инструментами, на толпу людей с побледневшими лицами, потом находит глазами церковь и начинает креститься механически, сохраняя в лице все то же испуганно-вопросительное выражение.

Между тем мальчишки и подростки, разочаровавшись в желатинных стеклах, убегают домой и оттуда возвращаются с самодельными, наскоро закопченными стеклами, которых теперь появляется много. Среди молодежи царят беспечное оживление и любопытство. Старики вздыхают, старухи как-то истерически ахают, а кто даже вскрикивает и стонет, точно от сильной боли.

День начинает заметно бледнеть. Лица людей принимают странный оттенок, тени человеческих фигур лежат на земле бледные, неясные. Пароход, идущий вниз, проплывает каким-то призраком. Его очертания стали легче, потеряли определенность красок. Количество света видимо убывает; но так как нет сгущенных теней вечера, нет игры отраженного на низших слоях атмосферы света, то эти сумерки кажутся необычны и странны.

Пейзаж будто расплывается в чем-то; трава теряет зелень, горы как бы лишаются своей тяжелой плотности.

Однако, пока остается тонкий серповидный ободок солнца, все еще царит впечатление сильно побледневшего дня, и мне казалось, что рассказы о темноте во время затмений преувеличены. "Неужели, - думалось мне, - эта остающаяся еще ничтожная искорка солнца, горящая, как последняя, забытая свечка в огромном мире, так много значит?.. Неужели, когда она потухнет, вдруг должна наступить ночь?"

Но вот эта искра исчезла. Она как-то порывисто, будто вырвавшись с усилием из-за темной занавески, сверкнула еще золотым брызгом и погасла. И вместе с этим пролилась на землю густая тьма. Я уловил мгновение, когда среди сумрака набежала полная тень. Она появилась на юге и, точно громадное покрывало, быстро пролетела по горам, по реке, по полям, обмахнув все небесное пространство, укутала нас и в одно мгновение сомкнулась на севере. Я стоял теперь внизу, на береговой отмели, и оглянулся на толпу. В ней царило

гробовое молчание. Даже немец смолк, и только метроном отбивал металлические удары. Фигуры людей сливались в одну темную массу, а огни пожарища на той стороне опять приобрели прежнюю яркость...

Но это не была обыкновенная ночь. Было настолько светло, что глаз невольно искал серебристого лунного сияния, пронизывающего насквозь синюю тьму обычной ночи. Но нигде не было сияния, не было синевы. Казалось, тонкий, не различимый для глаза, пепел рассыпался сверху над землей, или будто тончайшая и густая сетка повисла в воздухе. А там, где-то по бокам, в верхних слоях чувствуется озаренная воздушная даль, которая сквозит в нашу тьму, смывая тени, лишая темноту ее формы и густоты. И над всею смущенною природой чудною панорамой бегут тучи, а среди них происходит захватывающая борьба... Круглое, темное, враждебное тело, точно паук, впилось в яркое солнце, и они несутся вместе в заоблачной вышине. Какое-то сияние, льющееся изменчивыми переливами из-за темного щита, придает зрелищу движение и жизнь, а облака еще усиливают эту иллю-

зию своим тревожным, бесшумным бегом.

- Владычица святая, господи батюшко, помилуй нас, грешных!

И какая-то старушка набегает на меня, торопливо спускаясь с холма.

- Куда ты, тетка?

- Домой, родимый, домой: помирать, видно, всем, помирать, с детками с малыми...

Вдоль берега, в сумраке, надвигается к нам какое-то темное пятно, из которого слышен смешанный, все усиливающийся голос. Это кучка фабричных. Впереди, размахивая руками, шагает угрюмый атлет рабочий, который сидел со мной на мосту. Я иду к ним по отдели навстречу.

- Нет, как он мог узнать, вот что! - останавливается он вдруг прямо против меня, по-видимому узнавая во мне недавнего собеседника. - Говорили тогда ребята: раскидать надо ихние трубы... Вишь, нацелились в бога!.. От этого всей нашей стране может гибель произойти. Шутка ли: господь знамение посылает, а они в небо трубами... А как он, батюшко, прогневается да вдруг сюда, в это самое место, полыхнет молоньей?..

- Да ведь это сейчас пройдет, - говорю я.

- Пройдет, говоришь? Должны мы живы остаться? - Он спрашивает, как человек, потерявший план действий и тяготеющий ко всякому решительно высказываемому убеждению.

- Конечно, пройдет, и даже очень скоро.

- А как?

Я смотрю на часы.

- Да, должно быть, менее минуты еще.

- Меньше минуты? И это узнали! Ах ты, господи боже!..

Прошло не более пятнадцати секунд. Все мы стояли вместе, подняв глаза кверху, туда, где все еще продолжалась молчаливая борьба света и тьмы, как вдруг вверху, с правой стороны, вспыхнула искорка, и сразу лица моих собеседников осветились. Так же внезапно, как прежде он набежал на нас, мрак убегает теперь к северу. Темное покрывало взметнулось гигантским взмахом в беспредельных пространствах, пробежало по волнистым очертаниям облаков и исчезло. Свет струится теперь, после темноты, еще ярче и веселее прежнего, разливаясь победным сиянием. Те-

перь земля оделась опять в те же бледные тени и странные цвета, но они производят другое впечатление: то было угасание и смерть, а теперь наступало возрождение...

IX

Солнце, солнце!.. Я не подозревал, что и на меня его новое появление произведет такое сильное, такое облегчающее, такое отрадное впечатление, близкое к благоговению, к преклонению, к молитве... Что это было: отзвук старого, залегающего в далеких глубинах каждого человеческого сердца преклонения перед источником света, или, проще, я почувствовал в эту минуту, что этот первый проблеск прогнал прочь густо столпившиеся призраки предрассудка, предубеждения, вражду этой толпы?.. Мелькнул свет - и мы стали опять братьями... Да, не знаю, что это было, но только и мой вздох присоединился к общему облегченному вздоху толпы... Мрачный великан стоял с поднятым кверху лицом, на котором разливалось отражение рождавшегося света. Он улыбался.

- Ах ты, б-боже мой!.. - повторил он уже с другим, благодушным выражением. - И до че-

го только, братцы, народ дошел. Н-ну!..

Конец страхам, конец озлоблению. В толпе говор и шум.

- Должны мы господа благодарить... Дозволил нам живым остаться, батюшка!..

- А еще хотели остроумов бить. То-то вот глупость...

- А разве правда, что хотели бить? - спрашиваю я, чувствуя, что теперь можно уже свободно говорить это, без прежней напряженной неловкости.

- Да ведь это что: от питания это, от винного. Пьяненький мужичок первый и взбунтовался... Ну, да ведь ничего не вышло, слава те господи!

- А у нас, братцы, мужики и без остроумов знали, что будет затмение, выступает внезапно мужичок из-за Пучежа. - Ей-богу... Потому старики учили: ежели, говорят, месяц по зорям ходит, - непременно к затмению... Ну, только в какой день - этого не знали... Это, нечего хвастать, было нам неизвестно.

- А они, видишь, как рассчитали. В аккурат! Как ихний маятник ударил, тут и началось...

- Премудрость...
- Затем и разум даден человеку...
- Вишь, и опять выиграло... Гляди, как разгорается.

- Содвигается тьма-то!
- Теперь сползет небось!
- Содвинется на сторону - и шабаш.
- И опять радуется всякая тварь...
- Слава Христу, опять живы мы...
- А что, господа, дозвольте спросить у вас... - благодушно подходит в это время кто-то к самой ограде. Но ближайший из наблюдателей нетерпеливо машет рукой: он смотрит и считает секунды.

- Не мешай! - останавливают из толпы. - Чего лезешь, - не видишь, что ли? Еще ведь не вовсе кончилось.

- Отдай, отдай назад! Осади! - вполголоса, но уже без всякой внушительности произносятся городовые. Солдаты, ружья к ноге, носы кверху, с наивною неподвижностью тоже следят за солнцем. Гриша, торжествующий, смешался с толпой и имеет такой вид, как будто готов принимать поздравления с благополучным окончанием важного дела. Астрономи-

ческая наука приобрела в его лице ревностного адепта. Окруженный любопытными, от которых еще недавно слышал язвительные насмешки, он теперь объясняет им что-то очень авторитетно:

- Труба... она вещь не простая. Содвинь ее, уж она не действует. Она по звезде теперича ставится. Все одно ружейный прицел.

- Как можно содвинуть, вещь понятная! - ласково и как будто заискивающе поддакивают собеседники.

- Тонкая вещь!

- А не грех это, братцы? - раздается сзади нерешительный вопрос, оставшийся без отклика.

Солнце играет все сильнее; туман все более и более утончается, и уже становится трудно глядеть невооруженным глазом на увеличивающийся серп солнца. Чирикают примолкшие было птицы, луговая зелень на заречной стороне проступает все ярче, облака расцветаются... В настроении толпы недоверие, вражда и страхи умчались куда-то далеко вместе с пеленой полной тени, улетевшей в беспредельное пространство...

Я ищу старика скептика. Его нигде нет. Между тем кое-где открываются окна, до тех пор закрытые ставнями или тщательно задернутые занавесками. Давешняя старушка робко отпирает свою закупоренную хибарку, высовывает сначала голову, оглядывается вдоль улицы, потом выходит наружу. К ней подбежала девочка лет двенадцати.

- Бабушка, бабушка, а я вот все видела!

- Ты зачем убежала, греховодница, когда я не приказывала тебе?

Но девочка не слушает и продолжает с веселым возбуждением:

- Все видела, как есть. И никаких страстей не было. По небу стрелы пошли, и потом солнышко, слышь, темнеит, темне-и-ит...

- Ну?

- Ну и все потемнело. Задернулось вот, и все одно... чугунным листом. Ей-богу, правда, как вот заслонка-те перед солнцем и стоит. А потом с другой-те стороны вдруг прыснуло и пошло выходить, и пошло тебе выходить, и опять рассветало.

Бабушка ворчит что-то, но старое брюзжание звучит уступчиво и тихо, а детский голос

звенит с молодым торжеством.

Мы сидели уже на пароходе, когда последний след затмения соскользнул ни для кого уже незаметно с просиявшего солнечного диска.

В третьем классе в публике живо ходила по рукам брошюра: "О солнечном затмении 7-го августа 1887 года"...

1887-1892